

Воспоминания русских военачальников о Кавказской войне 1817-1864 гг.

Автор: А. Е. Савельев

Савельев Александр Евгеньевич - кандидат исторических наук. Кубанский государственный университет. Краснодар.

После завершения Кавказской войны, интерес к ней отнюдь не угас. Противоречивость и неясность политической ситуации на Кавказе, особые формы ведения военных действий, абсолютно новый опыт, не соотносящийся с опытом европейских войн, - все это требовало анализа и объяснения. К тому же, многие офицеры вполне справедливо полагали Кавказский корпус наиболее боеспособной частью русской армии. Не случайно, известный в эмигрантских кругах белого движения военный публицист А. А. Керсновский писал в середине 1930-х гг. об этих войсках исключительно в восторженном тоне: "Пятидесятилетняя Кавказская война - школа, подобная петровской Северной войне и суворовским походам - была благодеянием для русской армии. Благодаря этой войне ей удалось сохранить свои бессмертные суворовские традиции, возжечь ярким пламенем начавший было угасать светильник.

Маленькая часть большой русской армии, заброшенная на далекую дикую окраину, свершила здесь великие дела. Ее не коснулись гатчинские вахтпарадные эспантоны, ее не осквернили шпицрутены военных поселений, ее бессмертный дух не стремились угасить плацпарадной фикцией "линейного учения". Горсть русских офицеров и русских солдат, не стесняемая тлетворным рационализмом доморощенной пруссачины, показала здесь, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат. Суворовское "Мы - Русские, с нами - Бог!" огненным лучом пронизывает всю эпопею - от Иоры и Аскерани до Вены и Гуниба.

В чащах чеченских лесов и на раскаленных дагестанских утесах, в молниеносных рукопашных схватках с отчаянно храбрым противником и в изнурительных напряжениях прокладки дорог и расчистки просек крепла воля, закалялись характеры, создавались боевые традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных. Из одних рождались Котляревские, из других - Архипы Осиповы. И эту русскую боевую сноровку, эти боевые традиции, эту науку побеждать кавказские полки передавали из по-

стр. 118

колениа в поколение, показывали ее во всех своих дальнейших встречах с врагом - при Башкадыкларе и Кюрюк-Дара, в хивинских и текинских походах, на Аладже и при Деве-Бойну и после, много лет спустя, при Сарыка-мыше и Эрзеруме, под Ивангородом и Козеницами, на Бзуре и на Сане. Вот почему нам должна быть бесконечна дорога каждая капля русской крови, пролитая здесь, между тремя морями, должен быть дорог каждый выпущенный здесь патрон. И должна быть священной память всех вождей, командиров и рядовых бойцов, не давших угаснуть русскому духу" ¹. Эти слова отражают мнение нескольких поколений российских дореволюционных военных.

В 60 - 70-х гг. XIX в. появляются многочисленные мемуары участников войны, имевшие

различную информативную ценность и достоверность. Некоторые из этих воспоминаний были посвящены отдельным эпизодам войны, другие же, принадлежавшие перу высокопоставленных чиновников и офицеров, содержали анализ общей обстановки на Северном Кавказе. Среди последних работ особенно выделяются "Записки А. П. Ермолова. 1798 - 1826"², написанные им в Орле во время своей опалы. Алексей Петрович пытался объяснить обоснованность тех мер, которую он предпринимал для покорения Кавказа. Наибольшее неприятие у генерала вызывало так называемое хищничество - регулярные набеги горцев на казачьи поселения. Он объяснял это явление следующим образом: "Земля пространством не соответствует количеству жителей, отчего много народа, никакими трудами не занимающегося и снискивающего средства существования едиными разбоями"³. Чтобы прекратить набеги, Ермолов полагал необходимым принять жесткие меры против ряда местных племен, особенно чеченцев, которых он считал сильнейшими. Вообще, генерал полагал, что в предшествующий период Россией на Кавказе проводилась абсолютно неверная политика, которая отнюдь не способствовала повышению ее престижа в регионе. По этому поводу он писал: "Обширные занятия начальников здешнего края, малые вообще средства, не допускали их употребить в нужной строгости, а нередко власть наша или малопризнаваема была или не с надлежащим уважением"⁴.

Одним из главных историков Кавказской войны стал Ростислав Андреевич Фадеев. В 1850 г. он поступил в качестве волонтера в Кавказский отдельный корпус, благодаря своей храбрости и распорядительности быстро продвигался по службе, получая новые чины и награды. Одновременно Фадеев занимался литературной деятельностью, публикуя статьи в газете "Кавказ". В 1859 г., находясь в чине полковника, он получил задание написать официальную историю Кавказской войны. В следующем году она была готова и опубликована под названием "Шестьдесят лет Кавказской войны". За издание этого труда Фадеев был избран действительным членом Русского географического общества. В 1864 - 1869 гг. в "Московских ведомостях" вышла серия статей этого автора под общим названием "Письма с Кавказа", написанная по поручению нового наместника этого региона, великого князя Михаила Николаевича. К этому времени Фадеев был генерал-майором.

Уже первый обширный труд, посвященный Ростиславом Андреевичем Кавказу, весьма интересен. Фадеев начал свою работу с краткого описания истории продвижения границ России к Кавказу. При этом он отметил, что "Кавказ около полувека оставался в совершенной тени, и публика судила о нем по нескольким повестям да рассказам людей, приезжавших на Пятигорские воды"⁵. Когда историк перешел непосредственно к анализу военных действий, то дал глубокую интерпретацию Кавказского региона как

театра военных действий, показывая его раздробленность на огромное число малых "клеток", каждая из которых требовала отдельной организации боевых действий. При этом Фадеев пришел к выводу об эффективности двух основных стратегий покорения Кавказа. Первая связана с использованием больших сил, которые могли бы действовать повсюду и безостановочно от периферии к географическому центру. Вторая заключается в постепенном закреплении своих достижений, когда следующий шаг происходит лишь после устранения угрозы тылу. Исследователь указывал, что Ермолов придерживался именно второй стратегии, не имея значительных военных сил в своем распоряжении (45 тыс. человек). Приступая к историческому анализу развития обстановки на Кавказе, Фадеев рассматривал образование государства мюридов на Восточном Кавказе как

чрезвычайно опасное явление, ставшее возможным в результате просчета политического руководства России. Действия, предпринятые командованием Кавказского отдельного корпуса в 1839 - 1844 гг., он резко критикует, так как военные действия в этот период велись формами, присущими европейским театрам военных действий, абсолютно не соответствующих кавказским условиям. При этом Фадеев одобрительно отозвался о стратегии экономии сил и средств, избранной князем М. С. Воронцовым после неудачного Даргинского похода, что было единственным выходом в сложившейся ситуации. Особенно военный историк выделяет генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского, который, используя подготовленные предшественником базы и позиции, а также условия максимального благоприятствования, созданные правительством в результате осознания после Крымской войны геополитической важности Кавказа для России, с успехом применил стратегию массированного наступления, имея в распоряжении 400-тысячную группировку войск. Особо отмечал Фадеев использовавшиеся этим военачальником методы оперативного руководства, например, создание командных структур с правами корпусных штабов, наделение их зонами ответственности и определение им задач на долгосрочную перспективу. Не меньшее внимание исследователь уделил описанию специальной операции, завершившейся пленением Шамиля. Наконец, Ростислав Андреевич неоднократно отмечал высокий боевой дух кавказских войск, сыгравший немалое значение в победе русской армии. Достаточно много исследователь писал о казаках, которых считал важным элементом структуры российских вооруженных сил и необходимым военно-территориальным образованием в условиях Северного Кавказа, без которого невозможно было установление и удержание там власти Российской империи.

Фадеев оказался не достаточно удовлетворенным своим первым произведением о Кавказской войне, поэтому в 1864 г. начал новую работу на эту тему - "Письма с Кавказа". Основная направленность исследования заключалась в анализе особенностей подчинения Западного Кавказа, что стало последним этапом в покорении Россией Кавказа. Автор вновь в начале труда обосновал военно-стратегическую и геополитическую необходимость данного региона для Российской империи. Исследователь отметил, что в данной части Кавказа были применены те же элементы стратегического планирования, что и при покорении Восточного Кавказа. Вместе с тем Фадеев не преминул отметить ошибку, допущенную в 1858 г. при заключении мира с племенем абадзехов, гарантировавшее им прежнее состояние. При этом не были оговорены даже условия выдачи русских пленных и рабов, что весьма напоминает современную ситуацию с Хасавюртовскими соглашениями 1996 года. Фадеев полностью поддержал позицию генерала графа Н. И. Евдокимова, который произнес следующие слова: "... первая

стр. 120

филантропия - своим; я считаю себя в праве предоставить горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последнего из русских интересов" ⁶. Автор признал факт массовой гибели горцев от лишений и суровых зим. Большое внимание он уделил вопросу освоения Западного Кавказа, подчеркивая, что его стратегия была основана на создании новых станиц силами армии, которые затем прикрывались военными кордонами. Историк не скрывал факт волнений в старых казачьих поселениях, назначенные к переселению жители которых не хотели покидать насиженные места. При этом Фадеев подробно анализировал систему льгот и материальных поощрений, полагавшихся переселенцам.

В целом, Фадеев смотрел на задачи политики Российской империи на ее южных рубежах прагматично, считая их главной целью - обеспечение безопасности южных границ

государства и торговли в этом регионе. Об этом, в частности, он и писал в трудах "Шестьдесят лет Кавказской войны" и "Письма с Кавказа". В первом он высказал, например, такое мнение: "Европейская торговля с Персией и внутренней Азией, проходящая чрез Кавказский перешеек, подчиненный Русскому господству, обещает государству положительные выгоды; та же торговля, прошедшая чрез Кавказ, независимый от нас, создала бы для России нескончаемый ряд утрат и опасностей" ⁷. Фадеев также указывал на высокую важность для России наличия выхода к Черному морю: "Надобно вспомнить, что вся южная часть европейской России создана Черным морем. Покуда мы не овладели северными берегами его, Россия кончалась к югу пустыней, где могли жить только рассеянные хуторяне, довольствовавшиеся всем со своего куска земли, так как ни продавать, ни покупать там было нечего. Край этот заселился только тогда, когда открылись ему сообщения с целым светом. Черное море есть окошко, которым воздух и свет входят в южную Россию..." ⁸.

Дмитрий Ильич Романовский после окончания Военной академии с 1847 по 1853 г. служил на Кавказе и хорошо познакомился с жизнью местного населения. В 1860 г. он прочел публичные лекции, которые через короткое время были изданы в сборнике "Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г." ⁹. В книгу было включено 10 лекций, содержащих краткое описание некоторых народов Кавказа, в том числе приводилась этнографическая характеристика адыгов и кабардинцев.

Военный писатель Василий Александрович Потто в 1885 - 1891 гг. издал пятитомную работу "Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях". Он же является автором работ по истории Кавказских войн, которые печатались в "Военном сборнике" в 60-е гг. XIX в., подписанные псевдонимом "Драгун". Потто принадлежат и "Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии", "Утверждение русского владычества на Кавказе" (6 томов, охватывающих период до назначения наместником И. Ф. Паскевича), "Памятники времен утверждения русского владычества на Кавказе" (вышли два выпуска) и некоторые другие. Кроме того, он опубликовал заметку "Мария Дегужи-Нижегородская" ¹⁰, где рассказал об "удочерении" Нижегородским драгунским полком горской девочки Афизе Дегужи, найденной одним из офицеров полка на поле боя. Она стала любимицей всего полка, позже была крещена под именем Мария и получила образование и воспитание в частном пансионе.

В целом, Кавказ в ходе войны представлялся жителям России как сложный и особенный регион, накладывавший своеобразный отпечаток на каждого, кто жил там достаточно длительное время. Поэтому солдаты и офице-

стр. 121

ры Кавказского корпуса принадлежали к особому типу военнослужащих, резко отличавшихся от солдат и офицеров остальной части армии Российской империи, способных не только противостоять воинственным горцам, но и переносить тяжелейшие условия службы. Отношение к Кавказской войне также было противоречивым.

Примечания

1. КЕРСНОВСКИЙ А. А. История русской армии. В 4-х т. Т. 2. М. 1999, с. 115 - 116.
2. Записки А. П. Ермолова. 1798 - 1826. М., 1991.
3. Там же, с. 286.
4. Там же, с. 279.
5. ФАДЕЕВ Р. Кавказская война. М. 2005, с. 33.
6. Там же, с. 17.
7. Там же, с. 38.
8. Там же, с. 117.
9. РОМАНОВСКИЙ Д. И. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. СПб., 1860.
10. Исторический вестник. 1884. Т. 7, с. 94 - 100.